

Т. С. Федорова
МОЛОДЕНЬКАЯ, ХОРОШЕНЬКАЯ, ПРИВЕТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА
(Е. И. Невельская, по документам и воспоминаниям)

«...Молоденькая, хорошенькая, приветливая женщина...» (1) — так записал в дневнике 25 августа 1853 г. свои первые впечатления о Екатерине Ивановне Невельской майор Николай Вильгельмович (Васильевич) Буссе, прибывший в Петровское зимовье с Сахалина для встречи с её мужем — капитаном 1 ранга Геннадием Ивановичем Невельским. Екатерине Ивановне в это время было без трёх недель 22 года, а Геннадию Ивановичу — почти 40. И именно они стали самыми уважаемыми и почитаемыми людьми в Приамурье в середине XIX в.

Экспедиции под руководством Г. И. Невельского уделено большое внимание. О ней написано много книг и статей, хотя официально она никогда не называлась Амурской и не имела военно-морского статуса (2), но в настоящей статье мы не будем касаться вопросов её организации и действий. Всё внимание будет отдано Екатерине Ивановне Невельской, настоящей героине амурской эпопеи, её мужеству, терпению, мудрости, её обаянию, доброте, великодушию и благородству.

Геннадий Иванович родился 23 ноября 1813 г. и к 1853 г. был уже опытным мореплавателем. В 1832 г. он окончил Морской кадетский корпус, затем Офицерский класс (будущая Николаевская морская академия), с 1835 по 1846 г. ежегодно плавал на эскадре Ф. П. Литке вместе с великим князем Константином Николаевичем, в 1848–1849 гг. на транспорте «Байкал», совершив полукругосветное плавание, перешёл из Кронштадта в Петропавловск, на Камчатку. В июне 1849 г., не имея официального разрешения, он отправился исследовать Амур, убеждённый, что такая большая река не может теряться в песках, как утверждали его предшественники Лаперуз, Крузенштерн, Броутон и др. По мнению Невельского, Амур должен был иметь выход в море, и он его нашёл. Произведя на шлюпках промеры устья Амура, Невельской обнаружил судоходный фарватер в Татарском проливе и доказал, что Сахалин — остров, а Амур имеет вход для судов и с севера и с юга. 2 сентября 1849 г. он писал начальнику Главного морского штаба его императорского величества А. С. Меншикову: «Итак, эта величественная река Амур, столетия от просвещённого мира по обширному плану действий с юга знаменитыми мореплавателями Лаперузом и Броутоном, с севера Крузенштерном положительно запертый, ныне открыт, имея на флангах своих капитальные гавани для флотов на юге гавань Де-Кастри, на севере гавань Николая... таким образом... поистине не щадя жизни своей, несколько раз висевшей на волоске, преодолев все затруднения, исполнили, что предписано» (3).

29 июня 1850 г. Невельской и прапорщик Д. И. Орлов основали в заливе Счастья зимовье, названное в честь Петра Великого Петровским, ставшее для Геннадия Ивановича штаб-квартирой на Амуре и его домом, куда в июне 1851 г. он привёз свою молодую жену Екатерину Ивановну.

Невельской познакомился с Катенькой Ельчаниновой в 1850 г., когда проездом был в Иркутске по пути в Петербург, и был очарован весёлой племянницей гражданского губернатора Иркутска Владимира Николаевича Зорина. Голубоглазая блондинка небольшого роста родилась 15 октября 1831 г. Она была сиротой, окончила Александровское училище, образованное в 1842 г. из Воспитательного общества благородных девиц, учреждённого Екатериной II в 1764 г., и Мещанского училища, открытого при нём в 1765 г. Только в 1892 г. Александровское училище было преобразовано в Александровский институт (Смольнинским институтом благородных девиц училище действительно называлось по местонахождению) (36). Получив прекрасное образование, вместе с сестрой уже год жила у дяди в Иркутске. Невельской сделал ей предложение, но она отказала неказистому офицеру в два раза старше неё.

По описанию Н. В. Буссе, Невельской имел «не совсем красивую наружность. Маленький рост, худощавое морщинистое лицо, покрытое рябинками, большая лысина с всклоченными вокруг с проседью волосами и небольшие серые глаза, которые он беспрестанно прищуривает, дают ему пожилой и дряхлый вид. Но широкий лоб и живость глаз выказывают в нём энергию и горячность характера» (4). Получив отказ, Невельской обещал повторить предложение и отправился в столицу.

21 февраля 1851 г., завершив неотложные дела в Петербурге, получив чин капитана 1 ранга и назначение «состоящим по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири генерал-майоре Н. Н. Муравьёве», окрылённый большими надеждами Невельской снова отправился в путь. Конечно, он не мог миновать Иркутск. Геннадий Иванович повторил предложение Екатерине Ивановне, и оно было принято. Возможно, её покорили вдохновенные рассказы Невельского о кругосветных плаваниях, Амуре и будущем Приамурья, его уверенность в значении

этой великой реки для России, она почувствовала его благородный характер, доброту, горячее сердце и твёрдую волю.

Свадьба состоялась 16 апреля 1851 г. 10 мая 1851 г. Невельской писал великому князю Константину Николаевичу: «По высокому и постоянно милостивому ко мне вниманию вашему императорскому высочеству угодно было, как отцу, благословить меня на предстоящие труды для славы всемилостивейшего монарха нашего и отечества и угодно было дозволить мне писать к вам обо всем, что только касается до меня и моих здесь действий. Пользуясь этим высоким вниманием с беспредельной преданностью к вашему императорскому высочеству, я осмеливаюсь просить у вас, как у отца, благословение на новую для меня жизнь, я женат. Жена моя сирота, воспитанная в Смольном монастыре под благословенной сенью общей матери всех сирот государыни императрицы, бывшая девица Екатерина Ельчанинова. Жила в Иркутске у родного своего дяди, здешнего гражданского губернатора господина Зорина. Более года тому назад, как я увидел и полюбил её, но только ныне Господу угодно было осчастливить меня и назвать её навеки своею. Она решилась разделить со мною все труды и лишения при исполнении известного вашему императорскому высочеству на меня возложенному поручению.

Ваше императорское высочество и общая всем морякам покровительница государыня великая княгиня Александра Иосифовна, не лишите нас вашим вниманием в той величественной пустыне, которая, может быть, сделается и твёрдым оплотом отечества на восточных его пределах и колыбелью моряков наших» (5).

Разумеется, Геннадий Иванович сообщил и Николаю Николаевичу Муравьёву о столь радостном для него событии и решении Екатерины Ивановны сопровождать мужа, несмотря на все его убеждения остаться в Иркутске. 17 мая 1851 г. Муравьёв писал Невельскому: «На днях получил я письмо ваше, любезный Геннадий Иванович, и могу отвечать только через Аян в гавань Счастья, ибо дай Бог вам найти его вместе с вашей молодой супругой. Впрочем, решимость Катерины Ивановны сопровождать вас в этот путь есть лучшим ручательством будущего вашего благополучия.

Конечно, теперь мы с женой уже обязаны сделать вам свадебный визит, но едва ли поспеем на крестины, которые вы, вероятно, отпразднуете без нас, ибо можем быть в гавани Счастья не ранее конца июня.

Нисколько не сомневаюсь, — продолжал Муравьёв, — что Катерина Ивановна, руководимая вами и своим прекрасным сердцем, будет прекрасная сотрудница в великом деле, которое вы делаете, не сомневаюсь и в том, что истинное счастье гнездится в уединении, а не в больших городах, и потому надеюсь вполне, что последнее ваше предприятие на Амуре увенчается совершенным успехом. И позвольте дружески обнять вас обоих и заочно благословить на многолетнее счастливое супружество» (6).

В том же письме Николая Николаевича его жена Екатерина Николаевна написала: «Я вас поздравляю от всего сердца, моя дорогая Катерина, с вашей свадьбой, с вашим добрым и благородным Геннадием Ивановичем... Он хочет только, чтобы вы составили его счастье и помогли ему завершить великое и прекрасное дело, которое он предпринял. Молодая и очаровательная, вы сумеете снискать двойную славу, отправившись разделить и скрасить уединение вашего мужа. Пишите мне часто, дорогое дитя, сообщайте мне побольше о себе, о ваших впечатлениях и будьте уверены, что вы всегда обращаетесь к полностью преданной вам подруге Муравьёвой» (7).

Иркутск был основным местом пребывания генерал-губернатора в Восточной Сибири. Николай Николаевич и Екатерина Николаевна Муравьёвы, конечно, были хорошо знакомы с племянницей гражданского губернатора города и радовались известию о свадьбе Екатерины Ивановны и Геннадия Ивановича.

Пожелания и надежды четы Муравьёвых, что Екатерина Ивановна Невельская станет незаменимой помощницей мужа и разделит славу его «великого и прекрасного дела» на Амуре, полностью оправдались.

12 мая 1851 г. Невельские выехали из Иркутска в далёкий и трудный путь. Родные Екатерины Ивановны провожали их до станции Верхоленской на берегу Лены, 15 мая они отправились домой, а Екатерина Ивановна с мужем на следующий день приехали в дер. Катшугу, где должны были пересечь на лодку. «Мы осмотрели лодку, почти что маленький корабль, на неё мы и должны были перебраться. Она отличается между всеми своей красивой формой и в самом деле имеет эlegantный, привлекательный и опрятный вид», — сообщила она родственникам (8). Проехав ещё 60 верст в экипаже, Невельские продолжили путешествие до Якутска по Лене.

Скучая по Иркутску, Екатерина Ивановна не могла не любоваться окрестностями. 23 мая

она писала: «Это правда, что Лена прекрасна, окружающая нас природа дика и в то же время величественна. Я думаю, что в её оригинальности и заключается её прелесть. Везде высокие горы, покрытые лесом, крутые обрывы. От времени до времени мы проходим мимо прелестных островов, это настоящие рожицы посреди реки. Впрочем, всё вместе имеет грустный и мрачный вид, но всегда величественный и красивый... Мне казалось, что наша лодка, быстро скользящая по волнам, могла разбиться о страшные скалы... как вдруг исполинская скала, скорее стена, поднялась слева от нас. Она была вся красная, как кирпич... и на самой высоте букет пушистых деревьев покрывал её зеленью... Никогда я не видела ничего подобного!» (9).

Спускаясь вниз по течению реки, путешественники знакомились с жителями: тунгусами и якутами, их внешним видом, условиями жизни, их невероятной бедностью. Екатерина Ивановна в сопровождении мужа и горничной выходила на берег. Они были нагружены «белыми хлебами и орехами для угощения женщин и детей», которые целой толпой собирались на берегу. В другом случае она «раздавала хлеб детям якутов, которых мы встречали. Вообразите себе, что эти бедные люди имеют во всём недостаток в этом году и иногда должны питаться корой деревьев. Это ужасно! Страшная бедность царит в этих странах и просто жалость берёт, когда видишь, в какой нищете влачат эти дикари своё грустное существование» (10).

В пути Катя всё больше узнавала своего мужа и проникалась к нему всё большей симпатией. 28 мая она написала родным: «...Ваша Катя очень счастлива, она более и более привязывается к благодородному другу, который её выбрал между всеми... Если я ещё очень страдаю от нашей разлуки, то мой муж всегда найдёт средство меня развлечь и успокоить. Он так нежно заботится обо мне, имеет такую глубокую привязанность ко мне, он такой благородный, безукоризненный герой. Ему всегда удаётся возратить покой моей душе и мыслям, и я делаюсь опять весела и резва, забавляя и заставляя хохотать степенного г-на Невельского, благодаря сотням тысяч шалостей, которые приходят мне в голову».

На коленях благодарю я Господа, что Он мне послал в покровители этого чудного человека, любовь которого – моя гордость и будет для меня сильной опорой в испытаниях, которые меня, может быть, ожидают впереди» (11).

28 мая путешественники прибыли в Якутск. Началась подготовка к самому сложному и опасному участку пути. Им предстояло проехать больше 1 000 верст верхом на лошадях до Охотска. Узнав об этом, адъютант Муравьёва М. С. Корсаков заказал для Екатерины Ивановны «что-то вроде очень практичного гамака», которые местные женщины употребляли в подобных случаях. «Их делают, – писала Катя родным, – из толстого холста, с обеих сторон привязанного деревянными подпорками, которые ставят на спины двух лошадей; этот род люльки с матрасами внутри, будучи укреплен на весу между лошадьми, представляет очень удобную постель» (12). В такой люльке и путешествовала дальше весёлая жена Невельского, а когда она ехала верхом, он отдыхал на её постели.

2 июня караван отправился дальше. «Никогда не могла я себе представить, что такие дороги существуют на свете, – сообщала Екатерина Ивановна в Иркутск. – Тропинка, по которой мы пробирались, была, кажется, опаснее всех предыдущих. Мы переезжали то по горным плоскостям, то через ледники, где вязли в снегу, то спускались с крутых скал по голым, почти отвесным обрывам и пробирались по узким и скользким дорожкам, загромождённым громадными каменными глыбами... На моё несчастье прошло ещё немало времени, пока нашли место для отдыха. Оно оказалось под сводом из скал, нависших над углублением. Наскоро устроили там палатку, и эта жалкая яма показалась мне раем, когда перед огнём я могла, наконец, просушить одежду и хоть немного обогреться» (13).

«С геройским самоотвержением и без малейшего ропота она вынесла все трудности и лишения верховой езды по топким болотам и дикой гористой тайге Охотского тракта, сделав этот верховой переезд в 1 100 вёрст за 23 дня», – восторгался женой Невельской в книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855» (14).

28 июня 1851 г. караван прибыл в Охотск. В Охотске Катя приобрела красивую мебель для гостиной в Петровском и очень сокрушалась, что фортепиано купить не удалось. Однако впереди чету Невельских ждали ещё более серьёзные испытания.

В Петровское они должны были идти из Аяна на бриге «Охотск», но он не пришёл. В то же время распространился слух, что русские в Петровском убиты дикарями. «Трудно описать, в какую тревогу и беспокойство повергло [Геннадия Ивановича] это известие», – писала родным Екатерина Ивановна. Он клялся, что отомстит дикарям. «Видя воинственные приготовления, которые делали вокруг меня, и решительное выражение лица моего мужа, – продолжала Екатерина Ивановна, – я гордилась тем, что пойду навстречу опасности рука об руку с таким мужественным человеком».

Я им восхищалась, его обожала в такие минуты. Он представлялся мне таким великим, энергичным, когда обдумывает всё, предвидя всё и не боясь ничего на свете» (15). Геннадий Иванович настаивал, чтобы жена осталась в Аяне. «Но это было бы невозможно, мои друзья, не правда ли? Я была бы самая низкая, если бы осталась сидеть спокойно под защитой, в то время как мой муж рисковал бы своей жизнью и боролся за свою честь и честь Отечества», – писала Екатерина Ивановна родственникам.

Бриг Российско-Американской компании «Шелихов» стоял на рейде в Аяне, и решено было идти на нём в сопровождении транспорта «Байкал». На «Шелихове» в Петровское шли переселенцы, в том числе женщины и дети, офицеры и нижние чины, назначенные в экспедицию Невельского. Он должен был доставить в зимовье большое количество грузов, лошадей и скот.

14 июня суда вышли из Аяна, а 18 июня в нескольких милях от Петровского в тумане бриг наскочил на подводный камень и начал тонуть. Геннадий Иванович несколько раз спускался в каюту к Екатерине Ивановне, чтобы сообщить ей о происходящем, успокоить и поддержать. Когда она поднялась на палубу и увидела глаза собравшихся на палубе женщин и детей, «с отчаянием и завистью, печально и даже грозно устремлённые на меня, моё сердце сжалось от жалости». Она закричала, что не уйдёт первой с корабля, но её почти вынесли, и, рыдая, она повиновалась (16).

Всех пассажиров, все грузы и багаж благополучно перевезли на транспорт «Байкал» и пришли на нём в Петровское зимовье. Свои переживания во время крушения «Шелихова» Екатерина Ивановна подробно описала в письме в Иркутск от 24 июля 1851 г.

Тяжелее путешествие из Иркутска в Петровское зимовье наконец закончилось. Молодая женщина, которая до этого блуждала на светских балах, пережила и долгий, тяжёлый путь верхом, и страхи плавания, и ужасы неизвестности, и безмерную усталость, достойно выдержав все испытания. Она не роптала, не жаловалась, правда иногда плакала, когда было особенно страшно, но брала себя в руки. Примером для неё всегда был муж, которого она всё больше ценила и восхищалась им. Теперь вдали от родины, от привычной обстановки у неё начиналась новая жизнь.

В Петровском Невельских ждал маленький домик из трёх комнат и кухни, который они должны были делить с семьёй Орловых. «Сердце сжалось, когда я вошла в убогое жилище, где я должна прожить столько долгих месяцев. Я упала духом и залилась горячими слезами. Я была готова к тому, что встречу простую деревенскую обстановку, но мрачная действительность превзошла все мои ожидания, – сообщала Катя родным 2 августа 1851 г. – Какой резкой противоположностью показалась мне эта избушка в сравнении с прежними удобствами уютной, раздольной жизни в доме наших родителей и у доброго дяди!» Когда первое впечатление улеглось, Катя начала думать, как украсить убогое жилище. «Благодаря коврам и разным безделушкам, которые были со мною, этот бедный уголок приобрёл уютный, приличный и почти даже изящный вид. К сожалению, моя прелестная мебель из Охотска погибла в волнах морских во время нашего крушения. Стоя на палубе «Байкала», я со слезами смотрела, как волны уносили её всё дальше и дальше. Я бы так хорошо устроила своё маленькое гнёздышко, но судьба лишила меня этого удовольствия» (17), – написала она в том же письме.

По описанию Екатерины Ивановны, Петровское в это время походило «на лагерь, случайно заброшенный в этой пустынной стране». Мужчины разместились в палатках и русской бане, пока не будет выстроен домик для офицеров. Невельским строили маленький домик, чтобы поместить их туда на зиму. Там и сям были разбросаны палатки и костры, которые разводили казаки и матросы, чтобы приготовить пищу.

Вокруг бродили гиляки. «Хотя они страшные трусы, но лица их имеют свирепое и лукавое выражение. Их черные волосы, жесткие, как лошадиная грива, заплетены у мужчин в несколько длинных кос, а у женщин – в две косы, завязанных шнурками. Костюм их сделан из собачьей кожи, а обувь – из тюленя. На головах у них большие шляпы, форма которых несколько напоминает тирольские. Шляпы эти грубо выделаны из древесной коры и разукрашены безобразными рисунками. Все вместе это представляет ужасный вид», – описывала Екатерина Ивановна свои первые впечатления (18).

Постепенно Катя привыкала к новым условиям. Геннадий Иванович почти сразу по приезде в Петровское уехал в Николаевский пост, а жизнь его супруги скрашивали жена Д. И. Орлова, «совсем не светская дама, но очень добрая и услужливая», и «прелестная девочка Орловых». Екатерина Ивановна постоянно переписывалась с Е. Н. Муравьёвой, сообщая о своей жизни в Петровском. В письме А. С. Меншикову от 28 января 1852 г. Н. Н. Муравьёв писал, что он выпросил у жены последнее письмо г-жи Невельской, «с первую зимнюю почтой полученное, и при сем в подлиннике».

имею честь приложить. Оно замечательно во многих отношениях, но в особенности обрисовывает русских в земле гиляков. Смею покорнейше просить вашу светлость приказать возвратить мне это письмо, когда изволите прочесть» (19). Меншиков не только сам с интересом прочёл это письмо, но и познакомил с ним императора. 27 июня 1852 г. Муравьев сообщил Невельскому, что «государь изволил читать, и оно без сомнения ему было любопытно и приятно» (20).

Осенью 1851 г. офицеры экспедиции Невельского под видом купцов разъехались по Приморью для установления дружественных отношений с туземцами. Н. К. Бошняк, Н. М. Чихачёв, топограф П. Попов, приказчик РАК А. П. Березин исследовали Амур и впадающие в него реки, наблюдали за приходом судов в залив Де-Кастри, осваивали озеро Кизи, поднимались в верховье Амура. Геннадий Иванович также был в постоянных разъездах, и Екатерина Ивановна зачастую оставалась в выстроенном для Невельских домике одна, но это её уже не так пугало. «Екатерина Ивановна Невельская проводила время одна (все мы были в командировках), в комнатах с 5° тепла и, дрожа от холода, продолжала оставаться с той же стоической твёрдостью убеждений» (21), – писал о ней Н. К. Бошняк.

«Несмотря на... различные лишения и недостатки в самых необходимых потребностях для цивилизованного человека, офицеры и команда по примеру образованной молодой женщины, моей жены, заброшенной судьбой в эту ужасную пустыню и разделившей наравне с ними без всякого ропота все эти лишения и опасности, переносили их твердо и бодро, сознавая долг свой, долг и пользу от их трудов для Отечества» (22), – написал в своей книге Геннадий Иванович Невельской.

На Рождество и Новый год вся команда собралась в Петровском. Праздник отмечали в новом флигеле Невельских, который стал центром жизни на далёкой кошке. К этому времени Екатерина Ивановна сумела приспособиться к весьма непростому характеру мужа. Как писал А. К. Сиденснер, «небольшого роста, очень подвижный, беспокойного нрава, крайне вспыльчивый Геннадий Иванович Невельской отличался выдающимися способностями, благородным характером, необыкновенной добротой, горячим сердцем и высоким патриотизмом. Всегда очень горячий во время спора... стучал по столу, иногда сокрушая попадавшую под руку посуду» (23). Если Геннадий Иванович был не согласен со словами или действиями собеседника, он мог быть очень резким и несдержанным. Это подтверждают и документы, вошедшие в сборник документов «Адмирал Г. И. Невельской», подготовленный к изданию в РГА ВМФ. Усталый, часто раздражённый, Невельской возвращался из многочисленных разъездов в их домик в Петровском, где понимание его состояния, терпение, выдержка, ласка Екатерины Ивановны гасили бурные эмоции её мужа. Домик Невельских стал самым желанным и дорогим приютом в Петровском, все находили здесь гостеприимство, уют и доброе слово.

Единственными развлечениями в Петровском были зимой катание на собаках по льду, а летом – на гиляцких лодках по заливу. 16 мая 1852 г. Невельской сообщил П. В. Казакевичу: «Мы, слава Богу, счастливы, веселы, катаемся на собаках, хлопочем. Жена моя – ангел, много поддерживает меня, несмотря на пустыню, на лишения, она, друг мой, покорна всему и на все готова... Кланяйтесь... всем, кто меня любит и помнит, и не забывайте вкуче меня с женой и готовящимся произойти на свет малюткой...» (24).

Малютка появилась на свет 1 июня 1852 г., и молодая мама вскоре сообщила об этом Муравьевым. 25 октября 1852 г. Николай Николаевич писал Невельскому: «...Жена получила письмо Катерины Ивановны, и оба мы душевно вас поздравляем с маленькой гилячкой, дай Бог, чтобы она приносила всем счастье и утешение своим родителям... Жена пишет к Катерине Ивановне, но позвольте и мне сказать несколько слов прекрасной представительнице России на устьях Амура. Благослови вас Бог, молодая маменька, мы все здесь любим вас и удивляемся вам, все любим вашу маленькую Катерину Геннадьевну и с величайшим участием и любопытством расспрашиваем всех тех, кто имел удовольствие вас видеть в Петровском, я и жена моя завидуют им... Верьте, почтеннейшая Катерина Ивановна, чувствам истинной дружбы и душевной преданности вашего Николая Муравьева» (25).

Приведенные выше два письма позволяют уточнить дату рождения старшей дочери Невельских Екатерины и исправить ошибку, которая повторяется во многих работах, посвящённых Екатерине Ивановне и Геннадию Ивановичу: первая девочка у этой четы родилась 1 июня 1852, а не 1853 г.

Екатерина Ивановна постепенно установила дружеские отношения с гиляками и выучила их язык, что значительно облегчало общение и понимание друг друга. Они без всякого опасения стали всё чаще появляться в Петровском, где «Екатерина Ивановна усаживала их в кружок на пол около большой чашки с кашей или чаем в единственной бывшей во флигеле у нас комнате, служившей и

залом, и гостиной, и столовой... Несмотря на то, что это общество никогда не мывшихся гиляков, одетых в собачьи шкуры, пропитанные нерпичьим жиром, было невыносимо тягостно не только для молодой образованной женщины того круга, к которому принадлежала моя жена, но и для всякой крестьянки, Екатерина Ивановна переносила с полным самоотвержением как эти посещения, так и их последствия, т. е. грязь и зловоние, которые оставляли после себя гости в единственной нашей комнате» (26), – вспоминал Геннадий Иванович.

Екатерина Ивановна приучала гиляков мыться и расчёсывать волосы: «...Надобно было видеть, с каким усердием матросы и их жёны ставили этих гилячек у залива и отмывали нарощую грязь на их лицах. Зато с каким удовольствием эти нимфы смотрели потом на себя в подаренные им зеркальца» (27), – продолжал Невельской. Выпускница Института благородных девиц научила гиляков сажать картошку, полоть и поливать её.

Екатерина Ивановна пользовалась огромным уважением всех офицеров экспедиции, и, где бы они ни находились, в конце рапорта Невельскому обязательно было поздравление Екатерине Ивановне с праздником или просто засвидетельствование своего почтения. Так, 16 ноября 1851 г. Н. М. Чихачёв писал Невельскому из Николаевского поста: «Позвольте поздравить Екатерину Ивановну с наступающим днем ее ангела, равно как и вас с дорогой именинницей». В этом же письме приписка Н. К. Бошняка: «Милостивый государь Геннадий Иванович. Я еще не успел поздравить вас с дорогой именинницей, а Екатерину Ивановну с днем ангела и желаю от всей души, чтобы на будущий год встретить день этот в большом семейном кругу» (28).

1 апреля 1852 г. Бошняк поздравлял Невельских с праздником Святого Воскресенья, находясь на Амгуни, 6 января 1853 г. он писал из Николаевского поста: «Позвольте засвидетельствовать вам и Екатерине Ивановне мое усердное поздравление и глубокое почтение и просить вас не забывать искренне преданного вам и готового к услугам вашим. Н. Бошняк» (29). 15 августа 1853 г. «Засвидетельствуйте мое нижайшее почтение Екатерине Ивановне» (30), – писал с озера Кизи Невельскому А. И. Петров. 21 сентября 1853 г. Чихачёв Невельскому из Де-Кастри: «Кланяйтесь, пожалуйста, Катерине Ивановне и Екатерине Геннадьевне. Весьма жалею, что не пришлось мне самому быть в Петровском, чтобы можно было засвидетельствовать мое почтение» (31). Этот перечень можно продолжить.

И каждый из офицеров старался прислать или с кем-либо передать бутылку молока для девочки Невельских.

Продолжалась и переписка Екатерины Ивановны с Екатериной Николаевной Муравьевой. «...Я не хотела отправлять письмо своего мужа, дорогая Катерина, не поблагодарив вас за ваше письмо от 12 октября, которое я получила после нашего отъезда из Иркутска... Добавляю, моя дорогая Катерина, что я вас обнимаю так же, как и Китти, и вашего мужа тысячу раз (позволяю это только за тысячу верст) от всего сердца» (32).

В 1853 г. Екатерина Ивановна была уже не так одинока в отсутствие Геннадия Ивановича. Её общество составляли теперь, помимо жены Д. И. Орлова, Елизавета Осиповна Бачманова, жена помощника Невельского капитан-лейтенанта А. В. Бачманова, в которой она нашла «и приятную собеседницу, и помощницу», её общество оживляла и жена священника о. Гавриила Екатерина Ивановна Вениаминова.

2 апреля 1854 г. родилась вторая дочь Невельских Ольга, но здоровье Екатерины Ивановны было сильно ослаблено, а старшая девочка Екатерина тяжело болела. Как написал Геннадию Ивановичу доктор Е. Г. Орлов, «припадки задушения у вашей старшей дочери начали делаться чаще и чаще и, наконец, 12 мая припадок продолжался более 4 часов, в котором она нечувствительно перешла в иной, лучший мир. Это горестное событие не могло не подействовать на состояние Екатерины Ивановны... но она уж через меру предалась своей горести и никакие убеждения не могли ослабить эту печаль материнского сердца... вначале появилось лихорадочное состояние, затем начала увеличиваться опухоль груди, сопровождаемая сильной болью, образовалось несколько нарывов...». В таком состоянии Екатерина Ивановна не могла кормить младшую дочь. В кормилицы была взята жена Мартына Красовского «как здоровая женщина и способная к этой обязанности». У больной была общая слабость, появился кашель, который усиливал боль в груди... Недостаток аппетита, сухость во рту и жажда, вообще лихорадочное состояние – вот общий очерк болезни Екатерины Ивановны, – сообщал доктор. – Здоровье Ольги Геннадьевны, – продолжал он, – весьма хорошо» (33).

Получив это письмо в Мариинском poste, Невельской на байдарке тотчас же отправился в Петровское. «Жену застал я едва оправившейся от этой потери и тяжкой болезни. Тяжело было нам, родителям, видеть могилу нашей малютки на пустынной Петровской кошке!.. Но, что делать –

эта жертва, тяжкая для нас, была данью исполнения долга, направленного к благу Отечества!» (34), – написал в своей книге Геннадий Иванович.

Екатерина Ивановна была преданной помощницей своего мужа. Вместе с ним она пережила все события, происходившие на Амуре: начало освоения Приамурья, высадку десанта под руководством Г. И. Невельского в 1853 г. на Сахалине и основание там Муравьевского поста; начало военных действий на Дальнем Востоке и перебазирование Камчатской флотилии на Амур после нападения англо-французской эскадры на Петропавловск в 1854 г., уход её по настоянию Невельского в Амурский лиман, благодаря чему флот был спасён; первые сплавы войск и грузов по Амуру; приход на Амур дипломатической миссии вице-адмирала Е. В. Путятина; потопление в 1856 г. фрегата «Паллада» несмотря на резкие возражения Геннадия Ивановича и многое другое.

После окончания войны на Дальнем Востоке 27 мая 1855 г. Г. И. Невельской был назначен начальником штаба при Муравьеве, а все морские силы подчинены военному губернатору Камчатской области контр-адмиралу В. С. Завойко. Автоматически прекращалась и деятельность экспедиции Невельского. Семья Невельских перебралась в Мариинский пост, где была штаб-квартира Муравьева. Здесь 8 августа 1855 г. у них родилась ещё одна дочь – Мария. Только в июле 1856 г. они смогли уехать домой, в Костромскую губернию.

Екатерина Ивановна Невельская оставила глубокий и благодарный след в сердцах всех, с кем ей привелось провести 5 лет на Амуре.

Вот как писал о ней Н. К. Бошняк в 1859 г.: «После роскошных зал и гостинных недавней воспитаннице Смольного монастыря со средстами и возможностями жить иначе, пришлось приютиться в трёхкомнатном флигеле, разделивши его с семейством Орлова. Толпы грязных гиляков, тунгусов и ряд встреченных неприятностей не утрашили ее. Мы откровенно сознаемся, что многим обязаны ее внимательной любезности ко всем, и, прямо скажем, что ее пример благотельно действовал на тех, можно сказать, несчастливец из жен нижних чинов, которых судьба забросила вместе с своими мужьями на горькую долю. Часто находясь в обществе Е. И. Невельской, мы никогда не слышали от нее ни одной жалобы или упрека, напротив, мы всегда замечали в ней спокойствие и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей Провидение. Занятия по устройству нового хозяйства и книги прогоняли от нее скуку. Во всем обнаруживалась твердость ее характера, привычка к занятиям и способность обходиться без балов и вечеров – способность столь редко встречаемая в наше время... Спросим теперь после этого очерка, многие ли мужчины согласились бы на подобную жизнь? Конечно, немногие. А ведь этой женщине было 19 лет... Из всех этих обстоятельств Е. И. Невельская вышла победительницей...» (35).

Возвратившись с Амура, Невельские некоторое время провели в Москве, затем жили в одном из своих имений под Кинешмой или у родственников. К осени они переехали в Петербург, где Геннадий Иванович купил квартиру на Сергиевской улице в доме № 46. 8 апреля 1858 г. у них родилась дочь Александра, а 14 сентября 1861 г. появился на свет долгожданный сын Николай. После тяжёлых родов Екатерина Ивановна часто болела, в октябре 1861 г. она уехала лечиться в Карлсбад, где пробыла пять месяцев.

Геннадий Иванович 19 сентября 1857 г. был назначен членом Морского учёного комитета, преобразованного потом в Учёное отделение Морского технического комитета. Все последующие годы он работал над Записками о действиях русских морских офицеров на крайнем Востоке России в 1849–1855. Так он называл свой труд. Пройдя всю амурскую эпопею, Екатерина Ивановна была его незаменимой помощницей. В 1875 г. Невельской обратился в Учёное отделение МТК с просьбой об издании его Записок и получил разрешение и деньги на издание, но увидеть свой труд не успел. Он скончался 17 апреля 1876 г. Его многолетняя работа была издана в 1878 г. под названием «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки Адмирала Невельского. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою. Под редакцией В. Вахтина».

8 марта 1879 г. её не стало. Екатерине Ивановне было всего 48 лет.

1. Буссе Н. В. Остров Сахалин. Экспедиция 1853–54 гг. Дневник Н. В. Буссе 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г. С ответом г-дам Невельскому и Рудановскому. СПб., 1872. С. 5.

2. Федорова Т. С. Г. И. Невельской и Амурская экспедиция // На перекрёстке континентов : мат. XXXI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 352-358.

3. РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 16. Л. 12об.

4. Буссе Н. В. Остров Сахалин... С. 5.

5. РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 376. Л. 5.

6. Там же. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

7. Там же. Л. 10.

8. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855. Изд. 2-е. СПб., 1897. С. 421.

9. Там же.

10. Там же. С. 423–425.

11. Там же. С. 424.

12. Там же. С. 426.

13. Там же. С. 429.

14. Там же. Изд. 3-е. М., 1947. С. 126.

15. Там же. Изд. 2-е. С. 431.

16. Там же. С. 433–434.

17. Там же. С. 435.

18. Там же. С. 436.

19. РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 157. Л. 38об.

20. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 30.

21. Бошняк Н. К. Экспедиция в Приамурском крае // Морской сборник. СПб., 1859. № 2. С. 332.

22. Невельской Г. И. Подвиги... Изд. 3-е. С. 130.

23. Сиденер А. К. Адмирал Геннадий Иванович Невельской. СПб., 1914. С. 11.

24. РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 22. Л. 27–27об.

25. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 22, 24.

26. Невельской Г. И. Подвиги... Изд. 3-е. С. 131–132.

27. Там же. С. 162.

28. РГА ВМФ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 46об.

29. Там же. Л. 142.

30. Там же. Д. 21. Л. 43об.

31. Там же. Д. 27. Л. 60.

32. Там же. Л. 34об.

33. Там же. Л. 226–227об.

34. Невельской Г. И. Подвиги... Изд. 3-е. С. 299.

35. Бошняк Н. К. Экспедиция в Приамурском крае... С. 333.

36. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Путеводитель в 2-х т. Т. 2. СПб., 2009. С. 148–149.

Т. Ю. Феклова

«ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИИ И. И. РЕДОВСКОГО НА СЕВЕРО-ВОСТОК СИБИРИ В 1805–1807 гг.

Успешная работа Академии наук была тесно связана с осуществлением ею экспедиционной деятельности. Экспедиции позволяли получать новые факты, способствовали накоплению описательного материала и сбору музейных коллекций (1, с. 1). В то же время экспедиции являлись сложным научно-организационным процессом, сопровождавшимся определенным документооборотом. Изучение данного процесса способствует лучшему пониманию сложностей взаимоотношения науки и власти в Российской империи в XIX в. Существование проработанного корпуса экспедиционных сопроводительных документов способствовало лучшему выполнению учеными стоящих перед ними научных задач. В состав такого корпуса сопроводительных документов входили: «открытый лист», шнуровая книга, подорожные.

Эти документы удостоверяли состав и маршрут экспедиции, помогали выполнять поставленные задачи. Наиболее значимым документом для экспедиции был «открытый лист». В нем указывалось, что ученые отправляются в путешествие по высочайшей воле императора и им следует оказывать всевозможное вспомоществование (2, л. 152). Помимо необходимости оказания помощи, в «открытых листах» прописывался состав участников, цели и маршрут экспедиции. «Открытые листы» могли выдаваться Министерством народного просвещения, Министерством внутренних дел, Министерством финансов, Святейшим Синодом, Российско-Американской компанией и т. д.